

УДК 316.34 (130.2)

Андрей Викторович Филимонов,

соискатель,

Забайкальский государственный университет

(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),

e-mail: A. V. Filimonov@mail.ru

Проблемы сущности и идентичности казачества в исследовательских концепциях истории и этнографии

Статья посвящена анализу особенностей проблемы сущности казачества в российской науке. Рамки сущностного подхода не позволяют прийти к окончательному разрешению проблемы происхождения казачества, в силу того, что разнообразие этнических и сословных характеристик различных групп казаков, а также процессы их быстрой изменчивости не дают возможность делать верифицированные выводы. Однако, как показывает проведённый анализ, учёные сумели издать большое количество трудов, в рамках которых осуществлены субстанциональные разработки проблем этнического либо сословного происхождения казаков, представленные автохтонной, миграционной и синтетической концепциями. Автор доказывает, что эти концепции не могут предложить верифицируемых версий в отношении связи и преемственности между современными казаками и теми, кто считается их непосредственными историческими предшественниками и чаще всего выступают в качестве выразителей чьих-либо интересов. В условиях современных процессов конструирования казачества в отрыве от исторических этнических корней и традиций субстанциональные теории приобретают вид мифологемы и используются в качестве обоснования тех или иных социальных и политических действий, ради интеграции, либо дезинтеграции масс населения, представляемых казаками. Важно учесть, что в отечественной научной литературе сущностного содержания вопросы идентичности казаков до сих пор обсуждались без учёта структуралистской и конструктивистской концепций, уделяющих внимание развитию группового самосознания и делающих акцент на изучении исторических депозитов объективированного знания, таких, как знания-представления и социальные мифы об историческом прошлом и генезисе сообщества.

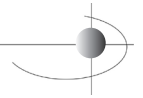
Ключевые слова: казачество, отечественные концепции этноса, сущность и происхождение казаков, субстанциональный подход, релятивный подход, идентичность казаков, социальные мифы

Введение. Сущностная природа казаков представляет собой одну из острых проблем, ставшую предметом дискурса между многочисленными исследователями, ищущими субстанциональные основания казачества. В зависимости от личных убеждений они представляют различные концепции, в которых проблема происхождения казаков, единства казачества выражены как дискуссия об их сущности, не имеющая однозначного и окончательного разрешения. Это привело к появлению значительного количества публикаций и к осознанию необходимости анализа методологической базы исследований казачества, которые не могли не испытывать влияние со стороны устоявшихся направлений этнологии, однако имеют свою специфику. Целью данной статьи является обоснование необходимости привлечения релятивистской методологии, связанной с концепциями структурализма, постмодернизма и конструктивизма, уделяющих внимание такому понятию, как «идентичность».

Данные о методологии и методике исследования. Раскрытию цели способствуют

следующие задачи, такие, как проведение сравнительного анализа; выявление специфики содержания текстов, посвящённых казачеству; определение их функционального назначения. В качестве методологического подхода исследования использована интерпретативная антропология и сравнительный анализ, связанный с проведением анализа и систематизации исторических и этнографических исследований и описаний казаков, принадлежащих примордиалистскому, инструменталистскому и позитивистскому направлениям.

Результаты исследования. В исследованиях казачества существует несколько альтернативных теорий его происхождения, роли, социальной, культурно-исторической и духовной сущности, среди которых выделяется две трактовки: это версия об их автохтонном происхождении и миграционная теория зарождения [28, с. 42]. Автохтонная традиция сложилась в XVIII–XIX веках, в трудах М. А. Караулова, П. П. Короленко, И. Д. Попко, В. А. Потто, Е. Д. Фелицина, Ф. А. Щербины, говорящих о казаках как о народе или

этническом образовании в составе русского народа [30, с. 46].

Однако в оценке того, какими являются этнические корни казаков, эти исследователи не сходятся, представляя версии, среди которых выделяются концепции, относящие казаков к потомкам славян и к потомкам благородных тюрков. Придерживавшийся взглядов об автохтонном происхождении казаков В. Н. Татищев, а также А. И. Ригельман считали, что пёстрый состав населения Тмутараканского княжества стал основанием для возникновения «бродников», версия о которых впоследствии разрабатывалась Н. М. Карамзиным, считавшим, что бродники – это потомки славян и предки казаков, живших на Дону [8]. В этих трудах закрепились оценка ранних казаков как неблагородных носителей антигосударственных настроений.

В ответ на неё, в начале XIX века среди донских историков возникло направление, которое от имени казачества отвергло версию о «неблагородных корнях» и стало искать в истоках казачества древний благородный народ [22, с. 12]. В конце XIX века бродническая версия получила интенсивное развитие в трудах В. Д. Сухорукова, П. В. Голубовского и Е. П. Савельева [26, с. 282], связавших происхождение казаков и бродников с этрусками, троянцами, скифами, сарматами, хазарами. Они не располагали доказательствами, а опирались на косвенные свидетельства, такие, как наличие слов тюркского происхождения в говоре казаков, и выражали стремление региональной российской интеллигенции найти идеологическое обоснование нарождающему крайнему сепаратизму [13].

Этой точке зрения в российской науке XIX века была противопоставлена миграционно-колониционная теория формирования казачества, которая сводилась к тому, что казачьими предками были мигранты из Польско-Литовского и Русского государств, которые, начиная с XV века, не смирились с феодальной кабалой, убежали в российское порубежье, а затем в Сибирь и Среднюю Азию. Однако, несмотря на общую приверженность миграционной идее, в оценке роли казаков в истории эти авторы расходились. Так, М. О. Коялович и В. Броневски полагали, что предки казаков, будучи негодными крестьянами, были исторгнуты русским обществом в Дикую Степь. Напротив, М. Бельский, С. Величко, И. М. Каманин, А. П. Певнев разделяли точку зрения, что казачество выделилось по причине формирования класса рыцарей, защищавших русских от татарских

набегов [23, с. 114]. Завершённую форму эта концепция получила в трудах В. И. Даля, Д. И. Иловайского, В. А. Потто, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, которые, будучи выразителями «беглохолопской» версии, видели в казаках представителей славянских групп, мигрировавших из мест традиционного проживания ради службы, независимо от их происхождения, веры и языка [9, с. 397]. Своеобразную трактовку миграционная теория получила у Г. В. Вернадского, который считал, что казачество, зародившись в результате социального смешения, затем приобретало не только словесные, но и этнические черты, благодаря чему появились казахи [1, с. 18].

Однако наибольшее влияние на рецепцию этого образа в массовом сознании оказали произведения русских писателей Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина [24], которые уделяли внимание описаниям особенностей мировосприятия и самооценки казаков. Этот образ оказал влияние на восприятие казаков революционной интеллигенцией – М. А. Бакуниным, А. И. Герценом, Г. В. Плехановым, которые видели в них союзника в антигосударственной борьбе.

Гражданская война внесла коррективы в идеализированное восприятие казачества, что отразилось как на художественных произведениях, так и на науке [29]. Здесь актуализировалась борьба между противоположными точками зрения, которая отразилась в литературе, выразившей в творчестве Ф. Крюкова, Р. Кулова, А. Серафимовича, М. Шолохова сложности восприятия радикальных революционных перемен в сознании казаков. В 1920-е годы появляются научно-публицистические публикации, в которых предпринимаются попытки осмысления перемен, произошедших с казаками в условиях советской страны. Они включали разные направления, куда входили представители нарождающейся советской культуры и эмиграции [19]. Отношение эмиграции к казачеству нашло выход в большом количестве изданий, основная часть которых в лице И. Белого, И. Быкадорова, Т. Старикова, М. Фролова, Г. В. Губарева и А. И. Скрылова, А. А. Гордеева [5], представляла идеи сепаратизма казаков. Версии происхождения казаков у них были разными, но в обобщённом виде эти подходы отражают утверждение, что казаки – это особый народ, образованный в результате смешения туранских племен и приазовских славян [4].

Параллельно обсуждение сущности казачества, которая понималась как «классо-

вая сущность», шло в Советском Союзе, где накал революционной борьбы остро чувствовался в публикациях о казаках, направивших полемику, посвященную обсуждению природы казачества, в новое русло. В отличие от дореволюционных работ советские исследователи обращали внимание на то, каким образом вели себя те или иные группы казаков в революционный и послереволюционный период, они были пронизаны идеологическими установками, в контексте которых казаки, не принявшие советскую власть, понимались как враги и предатели родины. Тем не менее, когда в конце 30-х годов произошло некоторое смягчение позиции государства по отношению к казачеству, появились публикации, где были высказаны близкие концепциям эмигрантов взгляды Р. Скрынникова, В. В. Мавродина, Н. М. Волюнкина, защищавших точку зрения о том, что казаки – это прямые потомки славян, бродников и червленоярцев, появившихся на Дону и смешавшихся с татарским населением [15, с. 231]. В отличие от них Л. Н. Гумилев возводил казачество к крестившимся половцам, однако общим было то, что автохтонные концепции высказывались как альтернатива официальным взглядам, где обрела статус непререкаемой истины миграционная теория возникновения казачества. Она была представлена исследованиями марксистской научной школы, представители которой рассматривали казаков как сословную группу, сформированную в результате миграций населения, переходящего на военную службу Российскому государству.

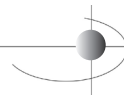
В период оттепели 1960-х годов в трудах отечественных историков появляется больше изданий, посвященных казачеству, которое продолжало оцениваться как инструмент протеста против феодального угнетения. Меньшей политизированностью отличались публикации исследователей-этнографов, отходивших от феодальной проблематики в сторону изучения традиций народов страны. Тогда же складывается примордиалистская этническая типология советской науки, авторами которой являются В. Бабенко, Ю. Бромлей, Т. Жданко, Л. Заседателева, Р. Кузеев, характеризовавшие казачество как этнословенную группу в составе русского народа, выделяющуюся особенностями культуры и быта, обусловленными военной службой казаков [14, с. 6].

В 80–90-е годы в советской науке был снят идеологический контроль в сфере исследований казачества. Внимание исследователей было приковано к процессу воз-

рождения казачества, трудности и противоречия которого объяснялись тем, что оно трансформировалось за период советской власти. Широко публиковались материалы о расказачивании и репрессиях [7, с. 89]. На этом фоне особенно популярной становится тема происхождения и сущности казаков. Появляются издания, ориентированные на освещение альтернативных официальной доктрине концепций. Представители казачества предпринимали попытки развивать автохтонные теории, представляющие казаков особым, «древнейшим» народом. Однако при обсуждении своих этнических корней это направление раскололось, так как выяснилось, что представления об особом «казачьем народе», «казачьем этносе», «казачьей национальности» у разных групп казаков расходятся. В этом дискурсе столкнулись две антиномичные точки зрения, славянская и тюркская, недоказуемость положений которых открыла простор для разнообразных спекуляций, используемых в политических целях [25, с. 280].

Казаки решительно отвергли «миграционную» концепцию и предприняли переиздание трудов И. Ф. Быкадорова, Г. В. Губарева, Е. П. Савельева, выражающих точку зрения казачьего «сепаратизма» [16, с. 151]. Концепция происхождения казаков от благородных предков была развита казачьими активистами, осуществляющими проект поиска «единого корня» и начинающими историю казаков с упоминаний об ариях, скифах, аланах, бродниках. Версия, приравнивающая казаков к народу, обрела второе дыхание в трудах В. П. Водолацкого, Л. М. Галутво, Т. Лапинского, А. Г. Масалова. Б. Б. Овчинниковой, В. П. Трута, П. Н. Лукичева, А. П. Скорик, В. В. Кожина, которые считают не вызывающим сомнений тезис о том, что казаки представляют отдельный народ [28].

Однако в рамках этой же концепции с автохтонными, но с абсолютно противоположными утверждениями стали выступать представители иных течений, среди которых были сугубо научные направления, такие, как работы И. Яковенко, который занимается поиском доказательств того, что половецкий субстрат стал генетической основой происхождения казачества, но были и такие, которые претендовали на оказание политического влияния на казачество с националистических позиций. Одним из таких направлений является пантюркизм, представленный произведениями М. Э. Аджиева (Аджи Мурада), который поставил вопрос о тюркской идентификации казаков настолько радикально, что заявил о

том, что ни у кого нет права называть казаков и их историю русскими, поэтому возрождение казачества должно означать их восстановление как тюркского народа [20, с. 352].

В науке публикации М. Э. Аджиева вызвали многочисленные критические отклики, представленные Н. Никитиным, И. Добродомовым, Д. Олейниковым, С. М. Переваловым [21, с. 7]. В то же время дискурс с участием вышеперечисленных авторов показал, что не выдерживает критики, требующей верификации выдвигаемых положений, не только автохтонный подход М. Э. Аджиева, но и всякий подход, ориентированный на поиск доказательств теории единого «древнего и могучего» корня казачества. В частности, исторические данные указывают на то, что, с одной стороны, среди групп, принявших участие в этногенезе казачества, была часть, обитавшая на территории его формирования с X–XI веков. С другой стороны, этногенез не прекратился на этом и произошло расширение ареала обитания казаков, за счёт процесса колонизации окраин со стороны Российского государства, а также за счёт того, что в этногенезе казаков приняли участие народы окраин, в присоединении которых к Российскому государству принимали казаки.

Таким образом, в рамках автохтонной концепции публикуется значительное количество исследований, посвящённых происхождению и сущности казачества, которые находятся в содержательном противоречии друг с другом, представляя недоказуемые концепции, в рамках которых отражаются не реально проходившие процессы становления казачества, а субъективные представления об этом со стороны авторов. Это не только затрудняет процесс определения статуса казачества и его идентификации, но и обрекает его на оценочность характеристик и бездоказательность.

Однако определённый методологический кризис в течение конца XX – начала XXI века переживает и её противоположность, представленная миграционной концепцией. Дело в том, что авторы, придерживающиеся трактовки казачества как сословия, под влиянием новых данных стали допускать, что казачество в ходе эволюции приобретало наряду с социальными ещё и этнические, и даже национальные характеристики [1, с. 20]. На эти данные указывал ещё Г. В. Вернадский, но когда в 80-е годы XX века в стране возобновились исследования, связанные с поиском истоков происхождения казачества в рамках миграционной концепции, проявились свиде-

тельства, убеждающие, что формирование казаков носило не столько сословный, сколько неоднозначный характер.

Среди авторов этого направления можно отметить таких исследователей, как Н. А. Мининков, Н. И. Никитин, А. П. Пронштейн, А. Л. Станиславский, С. Тхоржевский, Ю. А. Кизилов, А. А. Шенников, В. В. Виноградов, занимающихся проблемами происхождения и функций казачества в истории России [9]. Элементы анализа социального происхождения, структуры и социальной природы сообществ русских казаков несут в себе работы таких авторов, как А. Н. Алексеенко, А. А. Волвенко, С. Е. Донцов, В. Д. Иванов, С. П. Иртыкеев, В. А. Кореняко [12, с. 108]. Благодаря этим исследованиям в науку вводится термин «этносоциальная общность», подразумевающий, что процесс формирования казачьих объединений носил интегральный, основанный на синтезе этнического и сословного начала характер.

На то, что в отдельные этнические характеристики казаков были связаны с социальными, культурными, историческими, экономическими аспектами их развития, обращается внимание в трудах А. В. Венкова, Т. В. Таболиной, И. А. Казарезова, С. А. Кислицына, А. И. Козлова, В. Н. Королева, Р. Г. Тикиджиана, С. В. Черницына, В. Н. Ратушняка. Влияние этих сведений стало настолько существенно, что ряд современных исследователей встал на позиции выработки смежной, «промежуточной» или синтетической концепции происхождения казачества, среди которых А. И. Козлов, О. В. Матвеев, А. В. Сопов, И. Я. Куценко, Б. Е. Фролов, А. В. Ремнев, Р. Ю. Рунаев, Д. В. Колупаев [11], в чьих концепциях были приняты самые общие тенденции их происхождения и развития с учётом автохтонной и миграционной теории. Однако синтетические концепции не стали панацеей, так как они ориентировались на поиск общих констант времени, территории и социальных источников происхождения казачества, устранивающих автохтонную и миграционную точку зрения. Результатом этих усилий стали обобщающие, но всё такие же бездоказательные, основанные на вере решения в отношении сущности казачества, что стало основанием для новых неverified, зависящих от субъективной позиции автора, решений [18, с. 10]. Не внесла ясность в теоретические споры о происхождении казаков и генетическая наука, исследования которой подтвердили, что в этническом облике российского казачества имеются славянские, кавказские

и тюркские компоненты, так как эти факты не опровергли положений ни одной из имеющихся теорий происхождения казаков.

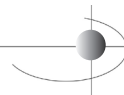
Дело в том, что современные синтетические концепции казачества базируются на материалах этнографических описаний, которые на протяжении длительного времени фиксируют, что казачество никогда не являлось монолитной структурой. Её характеризует множественность составляющих, которые формируются в результате сложного процесса этнической дифференциации и социальной интеграции, в результате чего казачество приобретает особые, отличающие только эту группу черты. В контексте приведённого анализа становится очевидным, что к этим чертам не относятся общность территорий, генетическая определённость и общность хозяйственной жизни, принимаемые как признаки этноса (народа) в примордиалистской концепции и марксистской концепции истории. Поэтому в определении статуса группы на первый план выходят иные характеристики, связанные с особенностями духовного мира казачества, его само- и мировосприятия, элементом которого является их идентичность.

Из работ, затрагивающих проблемы идентичности казаков в контексте изучения вопросов истории казачества, либо региональных аспектов культуры отдельных казачьих войск, следует отметить труды Т. В. Таболиной, И. М. Сампиева, С. И. Аккиева, Р. К. Касымханова, И. С. Шатило, А. Г. Масалова, Е. В. Морозовой, И. Ю. Юрченко, М. А. Рыбловой, Р. В. Рвачевой, С. Сагнаевой, В. Ф. Мамонова [16]. Отдельные аспекты геополитической, этносоциальной, национальной, экономической, культурной и исторической идентичности казаков отражены А. И. Агафоновым, А. А. Киблицким, С. А. Кислицыным, А. И. Козловым, А. П. Кожановым, Я. Л. Переховым, Г. У. Солдатовой, для которых идентичность является элементом духовной культуры, но не представляется целостным явлением, выступающим фактором формирования казаков как общности. Ряд исследований, авторами которых являются А. Г. Киблицкий, В. В. Макаров, В. А. Полуянов, А. П. Семенов, С. Н. Смирнов, В. А. Харченко, Л. Л. Хоперская, И. И. Золотарев, Е. И. Дулимов [6] направляется на анализ теории и практики возрождения казачества в современной России, включая аспекты, закрепившие различные исторические формы самоидентификации казачества, однако, как отмечает С. М. Маркедонов, в них лишь частично используется методологический потенциал современной концепции

идентичности. Он указывает, что несправедливой является попытка объединить различные группы людей, образовавшиеся при различных исторических и культурных условиях, в рамках одной конструкции «казачество» без определения того, чем оно является [17, с. 95]. Как показывает проведённый анализ, определения, в которых раскрывается сущность казаков, как нечто единое, в случае с идентичностью не работают, даже если они пытаются в максимально общем виде отразить реальную действительность. На деле идентичность казаков многообразна и она конструируется в зависимости от конкретных социальных условий, что доказывает Д. Сень, который говорит о том, отличающиеся друг от друга общества казаков существуют в самых разных условиях на территории многих государств [27].

Методологически близкой идеям о релятивном характере идентичности оказываются исследования зарубежных учёных, которые занимаются изучением казачества начиная с того времени, как казачья эмиграция после Гражданской войны хлынула за пределы России. Важно отметить, что зарубежные учёные, как правило, опираются на позитивистскую методологию, уделяя описаниям конкретных социальных явлений и событий, построенных на конкретно-историческом и социологическом материале. Преобладание функциональных характеристик казачества над поиском его сущности вносит в их работы высокую степень релятивности и вынуждает фокусироваться на аспектах самовосприятия, характеризующих состояние идентичности конкретных региональных групп казаков. Примером позитивистской методологии, применённой к изучению казаков, являются книги А. Ситона, Ф. Лонгворта, К. Тоекава, И. Брезере, Р. Макнил, Д. А. Бринкли, В. Розенберг, В. Кенез, П. Пипес, Н. Росс, В. Хантингтона, М. Р. Марриса, Р. Х. Джонсона, М. Хиндус, Д. Стефана, У. Германа, Т. М. Барретта, которые представляют казаков в образах, на состояние идентичности которых влияло социальное взаимодействие с различными группами населения. Эти работы так же, как и большинство перечисленных исследований, носят описательный характер и посвящаются конкретным, региональным аспектам идентичности, которая рассматривается в контексте анализа адаптационных тенденций казаков в конкретных социально-исторических условиях [2].

Обсуждение результатов. В целом недоказуемость и антиномичность характери-

стик казаков, даваемых авторами, вовлечёнными в дискурс, посвящённый оценке сущности российского казачества, способствовали мифологизации образов казака, среди которых присутствуют как позитивные, так и негативные точки зрения. Однако, несмотря на то, что значительное количество работ посвящается поиску скрытой сущности казаков и оценке различных аспектов их идентичности, в настоящее время не проводятся социально-философские исследования, представляющие обоснованное концептуальное осмысление идентичности казаков в контексте релятивистских концепций, таких, как структурализм, конструктивизм, постмодернизм. Однако, по нашему мнению, на фоне того, что определение сущности казачества затруднено отмечаемой двойственностью этносоциальной природы казачества, наличием у него и этнических, и сословных черт, находящихся в отношениях взаимной неопределённости, влияющих на субъективацию неверифицируемых концепций сущности казачества, необходимым становится определение того, является ли «казачество» объективно существующей реальностью, либо ментальной категорией, характеризующей идентичность казаков, а также привлечением к исследованиям методологий структуралистской и конструктивистской концепций, уделяющих внимание развитию группового самосознания и делающих акцент на изучении исторических депозитов объективированного знания, таких, как знания-представления и социальные мифы об историческом прошлом и генезисе сообщества.

Выводы:

1. Особенностью научной проблемы определения сущности казачества в российской науке является пристальное внимание к поиску его корней и происхождения. К настоящему времени учёные сумели издать большое количество трудов, в рамках которых осуществлены исследования этнической сущности и сословного происхождения казаков, представленные автохтонной, миграционной и синтетической концепциями. Как показывает проведённый анализ, эти концепции, продолжая оставаться в рамках поиска сущности казачества, также не могут предложить верифицируемых версий в отношении связи и преемственности между современными казаками и теми, кто считается их непосредственными историческими предшественниками, и

чаще всего выступают в качестве выразителей чьих-либо интересов.

2. Авторы, представляющие автохтонную, миграционную и синтетическую теории, полагают, что казаки обладают некой скрытой от внешнего взгляда групповой сущностной природой, которую олицетворяет феномен казачества. Данные исследования объединяет вера в то, что природа казачества позволяет говорить о них как о чём-то специфическом, своеобразном, отличном от окружающего населения: будь то этнос, субэтнос, этнографическая группа, или особая сословная группа населения. Однако в условиях современных процессов конструирования казачества в отрыве от исторических этнических корней и традиций эти теории приобретают вид неверифицируемой мифологемы и используются в качестве обоснования тех или иных социальных и политических действий, ради интеграции, либо дезинтеграции масс населения, представляемых казаками.

3. Современный уровень исторических знаний не позволяет делать окончательные выводы о сущности, генезисе и трансформациях различных социальных групп казаков, которые являются сложным саморазвивающимся этносоциальным явлением. Однако необходимо прийти к выводу о том, что казачество в течение всего времени истории формируется как конгломерат выходцев из различных регионов, этносов и социальных слоёв, что свидетельствует о перманентной этнической и социальной неоднородности казачьей общности и делает вопрос конструирования идентичности казаков ведущим аспектом исследования региональных, исторических и современных трансформаций казачества. Важно учесть, что в отечественной научной литературе вопросы идентичности казаков до сих пор обсуждались с использованием подхода, ориентированного на поиск сущности казачества в рамках марксистской и примордиалистской методологии, а на западе описания казаков проводились в контексте отражающей аспекты релятивизма позитивистской методологии, но без учёта структуралистской и конструктивистской концепций, уделяющих внимание развитию группового самосознания и делающих акцент на изучении исторических депозитов объективированного знания, таких, как знания-представления и социальные мифы об историческом прошлом и генезисе сообщества.

Список литературы

1. Актуальные проблемы казачьего движения (круглый стол) // Социологические исследования. 1992. № 9. С. 17–29.
2. Барретт Т. М. Линии неопределённости: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: вехи последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 163–194.
3. Белов В. Белое похмелье: русская эмиграция на распутье. М.; Петроград: Гос. изд-во, 1923. 155 с.
4. Гареева Д. М. Отечественная историография казачьего зарубежья // Современные проблемы литературоведения, лингвистики, коммуникативистики глазами молодых учёных. Традиции и новаторство: межвузовский сб. Уфа: БашГУ, 2015. 181 с.
5. Гордеев А. А. История казаков. М.: Страстной бульвар, 1992. 640 с.
6. Дулимов Е. И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества в правовом пространстве Российского государства в XVI–XX вв.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2003. 51 с.
7. Жуков А. В., Пешков И. Г. Забайкальские казаки и их потомки. Чита: ЗабГУ, 2014. 174 с.
8. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб.: Изд. Медицинской тип. (Военной тип. Главного штаба Его Императорского величества), 1817. Т. 5. 592 с.
9. Киблицкий А. А. Политическая самоидентификация донского казачества: технологический аспект: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2007. 162 с.
10. Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 2. М.: Мысль, 1957. 448 с.
11. Колупаев Д. В. Сибирское казачество во второй половине XIX века – 1850–1900 гг.: социально-экономическое развитие: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2011. 34 с.
12. Коренько В. А. Казачество в Ставропольском крае – фактор стабилизации или конфликтогенеза // Возрождение казачества: надежды и опасения. М., 1998. С. 104–138.
13. Красильников А. Крах нордической теории происхождения ариев. Казаки – кто они? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.km.ru/science-tech/2013/12/30/> (дата обращения: 25.11.2016).
14. Кузеев Р. Г., Бабенко В. Я. Этнографические и этнические группы (к проблеме гетерогенности этноса) // Этнос и его подразделения. М., 1992. Ч. 1. С. 17–37.
15. Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV веках // Учёные записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1938. Т. 11. С. 231–234.
16. Мамонов В. Ф. История казачества России. Екатеринбург; Челябинск: Ин-т гуманитарных исследований, 1995. Т. 1. 237 с.
17. Маркедонов С. М. Заколдованное слово // Родина. 2004. № 5. С. 93–96.
18. Матвеев О. В. Явление казачества в истории и культуре России // Очерки традиционной культуры казачеств России. М.; Краснодар, 2002. С. 10–44.
19. Мещеряков Н. Л. На переломе (из настроений белогвардейской эмиграции). М., 1922. 73 с.
20. Мурад Аджи. Азиатская Европа. М.: АСТ, 2008. 1128 с.
21. Перевалов С. М. Восстание дилетантов: российская историография на рубеже веков // Вестн. Владикавказского науч. центра. 2002. № 3. С. 6–7.
22. Попов А. История о Донском Войске. Харьков: Тип. ун-та, 1814. Кн. 1. 761 с.
23. Прокопьев В. Б. К вопросу о происхождении казачества и появлении первых казаков в Забайкалье // Вестн. Бурятского ун-та, 2010. № 2. С. 112–116.
24. Пушкин А. С. История Пугачёва. М.: Красанд, 2014. 156 с.
25. Рыблова М. А. Казаки возвращаются: история и судьба одной научной теории // Казачество: прошлое и настоящее. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2010. Вып. 3. С. 278–285.
26. Савельев Е. П. Казаки. История. Владикавказ: СПАС, 1991. 442 с. С. 282–299.
27. Сень Д. В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII – начало XVIII в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Ростов-на-Дону, 2009. 54 с.
28. Сопов А. В. Современные научные теории происхождения казачества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-nauchnye-kontseptsii-proishozhdeniya-kazachestva> (дата обращения: 20.11.2016).
29. Таболина Т. Основные направления изучения казачества [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cbs1vao.ru/kazak/024_osn_napr.htm (дата обращения: 25.11.2016).
30. Шатило И. С. Спорные вопросы идентификации казачьего движения // Власть. 2015. № 6. С. 46–52.

Статья поступила в редакцию 02.12.2016; принята к публикации 25.01.2017

Библиографическое описание статьи

Филимонов А. В. Проблемы сущности и идентичности казачества в исследовательских концепциях истории и этнографии // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 1. С. 42–50.

Andrey V. Filimonov,
 External Postgraduate Student,
 Transbaikal State University
 (30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russia),
 e-mail: A. V. Filimonov@mail.ru

The Problems of the Cossacks' Essence and Identity in History and Ethnography Research Concepts

The article is devoted to the analysis of the specificity of the problem of the Cossacks' essence in Russian science. The framework of the intrinsic approach doesn't allow solving the problem of the Cossacks' origin due to the fact that a variety of ethnic and class characteristics of different groups of Cossacks as well as the processes of their fast variability do not give a chance to draw any verified conclusions. However, the conducted analysis shows that the scientists have managed to publish a large number of works in which they carry out substantive developments of the problems of the Cossacks ethnic or class origin, presented by autochthonic, migratory and synthetic concepts. The author proves that these concepts cannot offer verified versions concerning communication and continuity between modern Cossacks and those, who are considered their direct historical predecessors, and most often act as spokesmen of someone's interests. In the conditions of modern processes of arranging the Cossacks in isolation from historical ethnic roots and traditions, substantive theories take a form of mythologemes and are used as justifications of these or those social and political actions, for the sake of integration, or mass population disintegrations represented by the Cossacks. It is important to consider that until now in domestic scientific literature of intrinsic contents, the questions of Cossacks' identity have been discussed without the structural and constructive concepts, paying attention to the development of group consciousness and placing the emphasis on studying historical deposits of objective knowledge such as knowledge-representation and social myths about the historical past and community genesis.

Keywords: Cossacks, domestic concepts of ethnos, essence and origin of Cossacks, substantive approach, relative approach, identity of Cossacks, social myths

References

1. Aktual'nye problemy kazach'ego dvizheniya (kruglyi stol) // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1992. № 9. С. 17–29.
2. Barrett T. M. Linii neopredelennosti: severokavkazskii "frontir" Rossii // Amerikanskaya rusistika: vekhi poslednikh let. Imperatorskii period. Samara, 2000. S. 163–194.
3. Belov V. Beloe pokhmel'e: russkaya emigratsiya na rasput'e. M.; Petrograd: Gos. izd-vo, 1923. 155 s.
4. Gareeva D. M. Otechestvennaya istoriografiya kazach'ego zarubezh'ya // Sovremennye problemy literaturovedeniya, lingvistiki, kommunikativistiki glazami molodykh uchenykh. Traditsii i novatorstvo: mezhvuzovskii sb. Ufa: BashGU, 2015. 181 s.
5. Gordeev A. A. Istoriya kazakov. M.: Strastnoi bul'var, 1992. 640 s.
6. Dulimov E. I. Stanovlenie i involyutsiya gosudarstvennykh form organizatsii kazachestva v pravovom prostranstve Rossiiskogo gosudarstva v XVI–XX vv.: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01. Saratov, 2003. 51 s.
7. Zhukov A. V., Peshkov I. G. Zabaikal'skie kazaki i ikh potomki. Chita: ZabGU, 2014. 174 s.
8. Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. SPb.: Izd. Meditsinskoi tip. (Voennoi tip. Glavnogo shtaba Ego Imperatorskogo velichestva), 1817. T. 5. 592 s.
9. Kiblit'skii A. A. Politicheskaya samoidentifikatsiya donskogo kazachestva: tekhnologicheskii aspekt: dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02. Rostov-na-Donu, 2007. 162 s.
10. Klyuchevskii V. O. Sochineniya v devyati tomakh. T. 2. M.: Mysl', 1957. 448 s.
11. Kolupaev D. V. Sibirskoe kazachestvo vo vtoroi polovine XIX veka – 1850–1900 gg.: sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02. Irkutsk, 2011. 34 s.
12. Korenyako V. A. Kazachestvo v Stavropol'skom krae – faktor stabilizatsii ili konfliktogeneza // Vozrozhdenie kazachestva: nadezhdy i opaseniya. M., 1998. S. 104–138.
13. Krasil'nikov A. Krakh nordicheskoi teorii proiskhozhdeniya ariev. Kazaki – kto oni? [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.km.ru/science-tech/2013/12/30/> (data obrashcheniya: 25.11.2016).
14. Kuzeev R. G., Babenko V. Ya. Etnograficheskie i etnicheskie gruppy (k probleme geterogenosti etnosa) // Etnos i ego podrazdeleniya. M., 1992. Ch. 1. S. 17–37.
15. Mavrodin V. V. Slavyano-russkoe naselenie Nizhnego Dona i Severnogo Kavkaza v X–XIV vekakh // Uchenye zapiski LGPI im. A. I. Gertsena. 1938. T. 11. S. 231–234.
16. Mamonov V. F. Istoriya kazachestva Rossii. Ekaterinburg; Chelyabinsk: In-t gumanitarnykh issledovaniy, 1995. T. 1. 237 s.
17. Markedonov S. M. Zakoldovannoe slovo // Rodina. 2004. № 5. S. 93–96.
18. Matveev O. V. Yavlenie kazachestva v istorii i kul'ture Rossii // Ocherki traditsionnoi kul'tury kazachestv Rossii. M.; Krasnodar, 2002. S. 10–44.
19. Meshcheryakov N. L. Na perelome (iz nastroenii belogvardeiskoi emigratsii). M., 1922. 73 s.
20. Murad Adzhi. Aziatskaya Evropa. M.: AST, 2008. 1128 s.

21. Perevalov S. M. Vosstanie diletantov: rossiiskaya istoriografiya na rubezhe vekov // Vestn. Vladikavkazskogo nauch. tsentra. 2002. № 3. S. 6–7.
22. Popov A. Istoriya o Donskom Voiske. Khar'kov: Tip. un-ta, 1814. Kn. 1. 761 s.
23. Prokop'ev V. B. K voprosu o proiskhozhdenii kazachestva i poyavlenii pervykh kazakov v Zabaikal'e // Vestn. Buryatskogo un-ta, 2010. № 2. S. 112–116.
24. Pushkin A. S. Istoriya Pugacheva. M.: Krasand, 2014. 156 s.
25. Ryblova M. A. Kazaki vozvrashchayutsya: istoriya i sud'ba odnoi nauchnoi teorii // Kazachestvo: proshloe i nastoyashchee. Rostov-na-Donu: YuNTs RAN, 2010. Vyp. 3. S. 278–285.
26. Savel'ev E. P. Kazaki. Istoriya. Vladikavkaz: SPAS, 1991. 442 s. S. 282–299.
27. Sen' D. V. Kazachestvo Dona i Severo-Zapadnogo Kavkaza v otnosheniyakh s musul'manskimi gosudarstvami Prichernomor'ya (vtoraya polovina XVII – nachalo XVIII v.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02. Rostov-na-Donu, 2009. 54 s.
28. Sopov A. V. Sovremennye nauchnye teorii proiskhozhdeniya kazachestva [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-nauchnye-kontseptsii-proishozhdeniya-kazachestva> (data obrashcheniya: 20.11.2016).
29. Tabolina T. Osnovnye napravleniya izucheniya kazachestva [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.cbs1vao.ru/kazak/024_osn_napr.htm (data obrashcheniya: 25.11.2016).
30. Shatilo I. S. Spornye voprosy identifikatsii kazach'ego dvizheniya // Vlast'. 2015. № 6. S. 46–52.

Received: December 02, 2016; accepted for publication January 25, 2017

Reference to the article

Fillimonov A. V. The Problems of the Cossacks' Essence and Identity in History and Ethnography Research Concepts // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 1. PP. 42–50.